



1

Мария боялась, что в то утро ей будет ужасно трудно сосредоточиться на уроках с мисс Гелиотроп. За воротами Лунной Усадьбы было так чудесно, так таинственно, так необычно, что даже во время завтрака ей казалась мучкой каждая минута, проведенная в доме.

Когда же они с мисс Гелиотроп уселись у огня в прохладной гостиной с широко открытым в розовый сад западным окном, ее покинуло чувство беспокойства, которое сменилось чудным ощущением мира и покоя. По просьбе мисс Гелиотроп она сняла после завтрака костюм для верховой езды и надела зеленое льняное платье с длинной юбкой, которое перекликалось с зеленью обивки кресел и ковра, и почувствовала себя на месте в этой прекрасной комнате, словно была ее частью. Виггинс, следовавший за ними, спал с одной стороны от камина, а Тишайка, устроившаяся в ивовой корзинке, которую для нее нашел сэр Бенджамин, спала с другой стороны. Рольв, как знала





Мария, спал перед очагом в зале, и они оставили дверь полуоткрытой, чтобы он мог войти, если захочет. Дигвид работал в саду, а сэр Бенджамин ускакал с визитом к арендатору с одной из дальних ферм. Насколько Мария знала, они с мисс Гелиотроп были единственными живыми существами в доме, если не считать зверей, которые спали так крепко, что их и считать не стоило.

Мария оглядела комнату. Клавикорды, из которых она освободила прелестную мелодию, выглядели ожившими, словно на них играли все время, но шахматы и рабочая шкатулка еще казались замерзшими. Рабочая шкатулка притягивала ее, как магнит. Она просто должна приподнять крышку и заглянуть внутрь.

— Простите, мисс Гелиотроп, можно мне сейчас пошить? — спросила Мария.

— Нет, конечно, — спокойно ответила мисс Гелиотроп. — Ты шьешь по пятницам. Сегодня понедельник. По понедельникам ты учишься декламировать стихи — искусство, в котором ты не так преуспеваешь, как могла бы.

Мария открыла рот, чтобы возразить, а затем, взглянув на странную туманную картинку над камином, снова его закрыла. Терпение. Терпение. Маленькая белая лошадка и коричневый зверь, скачущие вместе по лесной полянке, никуда не торопятся. Может быть, они будут так скакать долгие годы — счастье, которым дышала эта картина, не было затронуто и тенью нетерпения. На этой земле никто не торопится. Она встала, вытащила сборники стихов






из стопки книг на подоконнике и разложила их на столике красного дерева.

Сначала она почитала вслух из маленькой книжечки в зеленоватом переплете — томика французских стихов, принадлежавшего мисс Гелиотроп. Она рассказывала Марии, что эту книгу ей подарил в юности французский эмигрант, бежавший в Англию из революционной Франции. Он снимал комнату в корнуоллской деревеньке, где в то время был приходским священником отец мисс Гелиотроп, Мисс Гелиотроп учила его английскому и подарила ему сборник английской поэзии, а он взамен учил ее французскому и подарил ей книгу французских стихов. Ее имя, Джейн Гелиотроп, было написано на титульном листе самым прекрасным почерком, а под ним он написал свое имя, Луи де Фонтенель. Сегодня Марии пришло в голову спросить, как он выглядел.

— Очень привлекательный молодой человек, высокий и смуглый, — ответила мисс Гелиотроп. — И весьма аристократичен — маркиз. Очень одаренный, способный к языкам и музыке, прекрасный преподаватель и ученый. И решительный к тому же — в юности был кавалерийским офицером. Но, увы, как многие французы, обладал ужасным свойством — был атеистом, человеком, который не верит в Бога. Когда отец узнал об этом, запретил ему появляться в нашем доме.

— А что с ним случилось? — спросила Мария.





— Он уехал, — с тихим вздохом ответила мисс Гелиотроп, и Мария, хотя в ней кипела тысяча вопросов, прикусила язычок и ничего не сказала, потому что после такого вздоха нельзя больше спрашивать.

Обычно мисс Гелиотроп внимательно слушала, как ее ученица читает вслух, и спокойно поправляла ошибки, но в то утро гувернантка казалась слегка рассеянной, будто старые воспоминания завладели ею и унесли прочь.

— Достаточно на сегодня, дорогая, — сказала она, когда Мария добралась до конца стиха. — Теперь ты должна сама сочинить небольшое стихотворение. А я пока поднимусь наверх и поштопаю занавеси с моей кровати. Как мы заметили в тот вечер, когда приехали сюда, в этом доме никто не занимается починкой и штопкой.

— Я знаю, что напишу, — ответила Мария. — Вчера утром я играла одну мелодию. Она сама вышла из клавикордов, когда я их открыла. Можно мне написать к ней слова?

— Конечно, дорогая, — кивнула мисс Гелиотроп. — Я знаю, что могу доверять тебе, ты не будешь бездельничать, а останешься сидеть на этом стуле, как приличествует леди — ноги вместе, спина прямая — пока не сделаешь все самым лучшим образом.

Потом, подобрав со всех сторон свои юбки, она прошла через маленькую дверь к винтовой лестнице.

Мария приготовила ручку и бумагу и снова уселась на стул подле камина. Хотя в главном она послушалась,





но во всем остальном нельзя было сказать, что она действительно ведет себя так, как приличествует леди. Несмотря на прямую спину, она сердито болтала ногами, шурша нижними юбками. Она не любила, когда расстраивались ее планы. Ей хотелось до завтрака увидеть кухню, кота и море, а она ничего из этого не увидела. А теперь ей даже не разрешили приподнять крышку рабочей шкатулки. Ужасное место эта Лунная Усадьба.


«ПЕСНЯ» — написала она на листке бумаги так, что чернила даже брызнули из-под сердитого пера. Ах да, она встретила Робина. Робин появился как награда для хорошей девочки, которая не рвалась на кухню. Лунная Усадьба все ей покажет, но когда захочет и как захочет. Нужно иметь терпение.

Она улыбнулась, бросила забрызганный чернилами листок бумаги в огонь, взяла чистый и начала снова; к ее удивлению, несмотря на такое бунтовщическое настроение, простые, ясные слова шли легко, сами примериваясь к мелодии, которую она извлекла из клавикордов. Казалось, Мария их вовсе не придумывает. Они будто текли из розария через открытое окно, как облако бабочек, усаживающихся на кончик пера, а оттуда спархивающих на бумагу.

ПЕСНЯ

*Ах, моя госпожа —
Словно яркий клинок,*





*Словно ветер, звучащий
Над бездной дорог.
Как морская волна,
Как тугая струна,
Так сверкает звезда,
Так мерцает луна.
Как рассветные росы —
Светла и свежа,
Словно песня и воздух —
Моя госпожа,
И слова этой песни
Не мои, не твои —
Это тень от ее
Одинокой любви.*

Закончив, она подошла к клавикордам, открыла их, сыграла и спела свою песенку. Но нет, это была не ее песенка, а чья-то еще. И снова ей показалось, что в розарии кто-то есть. Она подбежала к окну и выглянула, и на этот раз ей показалось, что она заметила убегающую прочь маленькую фигурку, больше похожую на фею, чем на человеческое существо. Взглянув снова, она ничего не увидела, кроме зарослей шиповника и все тех же маленьких птичек с разноцветными крылышками. Они в то утро пели особенно прекрасно, щебетали и чирикали, заливались трелями и кричали, насвистывали и жужжали, славя весну, просто удивительно было, как у них не лопаются горлышки. Что же это за птичка так жужжит? Мария слышала о колибри, жужжащих птичках, но не знала, что они водятся в Англии. Звук, сначала такой тоненький, становился





все громче и громче, пока не стал похож не на жужжание, а на бульканье воды в кипящем чайнике. Теперь он доносился не из розария, а из комнаты позади нее. Она обернулась и увидела: перед камином между спящими Виггинсом и Тишайкой, уставившись на пламя и громко урча, сидит черный кот.


2

Захария.

Мария затаила дыхание и глядела во все глаза. Со дня своего рождения она не видела такого кота. Он был огромен, вдвое больше любого лондонского кота. Черная шерсть лоснилась необычайно и блестела, как шелк. Хвост тянулся по полу на добрый ярд и напоминал толстую черную змею, кончик хвоста, слегка приподнятый, подрагивал из стороны в сторону, что в сочетании с потрясающим, рокочущим мурлыканьем позволяло догадываться о характере Захарии. благородная голова, с большим выпуклым лбом и крупными, красиво очерченными ушами. Грудная клетка, как можно было ожидать по тем звукам, которые из нее исходили, необычайно мощная, хорошо сочетающаяся с широкими плечами и сильными лапами.

Все вместе выглядело весьма представительно; когда он повернул голову и изумрудно-зеленые глаза уставились на нее, она снова почувствовала себя так же, как во время знакомства с Рольвом. У него независимый





характер, вспомнила Мария рассказ сэра Бенджамина, и он не любит, когда к нему подходят без его разрешения. Она осталась на том месте, где стояла, и присела в реверансе.

Такая вежливость очень понравилась коту, он поднялся и пошел к ней, закрутив хвост тремя изящными кольцами, с поразительной важностью шагнув на ковер цвета морской волны. Приблизившись к Марии, он начал кружить вокруг нее, каждый следующий круг уже предыдущего, пока не стал ходить у самых ее юбок, так близко, что она почувствовала вибрацию от его мурлыканья. И только тогда она осмелилась наклониться и коснуться пальцами его головы. Потрясающе мягкая шерсть. Он как будто не обратил на это внимания, еще раз обошел вокруг девочки, затем внезапно перестал мурлыкать и направился к полуоткрытой двери гостиной. С бьющимся сердцем Мария вышла за ним в залу.

Рольв не спал, но теперь он не выказал никакого неудовольствия намерениями Марии — хотя на этот раз, строго говоря, посещение кухни было не ее намерением, а Захарии.

Кот встал на задние лапы и повернул ручку двери одним ударом правой передней лапы. Он вышел, Мария последовала за ним, а Рольв встал и закрыл за ними дверь.

Наконец Мария очутилась в кухне. Кухня была роскошная, выложенная огромными каменными плитами, отмытыми до белоснежной чистоты, и почти такая же громадная,





как зала. На потолке перекрещивались огромные дубовые балки, с которых свисали окорока и связки лука и сушеных трав. Два очага: один для кипячения и варки, другой, с вертелом, для жарки. В толще стены две печи для выпечки хлеба, и по всем стенам на крючках висят кастрюли и сковородки, начищенные до такого блеска, что отражают свет не хуже зеркал. В одном углу огромный чан для воды, в другом — дубовый буфет, где изящными рядами расположилась хорошенькая фарфоровая посуда, а в центре комнаты дубовый стол. Несколько дверей, как догадалась Мария, ведут в кладовые и чуланы. Окна выходят на задний двор, так что комнату наполняет утреннее солнце, и вся она такая веселая, яркая, теплая и потрясающе чистая. Стульев нет, но у стены стоит деревянная скамья и несколько трехногих деревянных табуреток. Одна из табуреток придвинута к столу, и на ней, лицом к той двери, в которую вошла Мария, устроился маленький горбатый карлик, раскатывающий тесто. Он коротко кивнул и указал скалкой на скамейку у стены.

— Мармадюк Алли к вашим услугам, маленькая госпожа, — произнес он тонким скрипучим голосом. — Садись, но слов никаких не произноси. Не могу позволить себе участвовать в беседе, пока вовлечен в творение пирога с телятиной.

Несмотря на свою манеру выражаться, он, похоже, неплохо к ней отнесся, потому что на лице его внезапно вспыхнула широченная улыбка, так что рот растянулся





до ушей, а маленькие круглые блестящие черные глазки весело ей подмигнули. Тем не менее Мария была рада, что Рольв предостерег ее утром от вторжения на кухню незваной, поскольку что-то в его облике подсказывало, что вольничать с собой он не позволит. Она подошла к скамье, села и скромно сложила руки на коленях.

Между тем Захария взгромоздился на другую табуретку рядом с карликом и сидел там, мурлыча и качая хвостом, время от времени протягивая огромную лапу и с непередаваемым изяществом расправляясь с куском пирога. Ясно было, эти двое — добрые, не разлей водой, друзья, и кот имеет кое-какие привилегии. По размеру они не очень отличались друг от друга: Захария был почти такого же роста, что и карлик.

Скромно сидя на скамье, Мария разглядывала карлика. Он на нее не смотрел, полностью поглощенный тестом, это был удачный момент для того, чтобы его рассмотреть. Никогда раньше не видела она такого создания, и у нее даже рот слегка раскрылся от удивления.

Он, должно быть, думалось ей, очень стар: бакенбарды, обрамляющие лицо наподобие жабо, белоснежные, белоснежными были и кустистые брови. Если не считать бакенбард, лицо чисто выбритое, коричневатое, словно печеное яблочко, и изборождено сотнями мелких морщинок. Нос так уютно устроился, что почти незаметен, но, похоже, обладает незаурядной чувствительностью, судя по тому, что при работе подергивается, как у кролика. Обоняние,





как и положено хорошему повару, развито в высшей степени. Если улыбается, крупный рот растягивается с щедростью полумесяца, а когда сжимает губы — напоминает непреклонность мышеловки. Уши много больше всего остального, но красивой формы и с острыми кончиками, как у фавна. Руки тоже куда больше всего остального, и, когда он опускает их вниз, коричневатые, крупные ладони достают до лодыжек. Ступни, наоборот, маленькие, изящные, как у ребенка, но кривые ноги и горб напоминают Панча из кукольного театра.

Несмотря на такое странное несоответствие частей тела, на повара тем не менее было приятно смотреть из-за необычайной аккуратности и яркости одежды. На голове алая шапочка. Рубашка и бриджи цвета вереска, а жилетка изумрудно-зеленая, расшитая алыми маками. Вязаные носки того же цвета, что и бриджи, а коричневые башмаки украшены сверкающими серебряными пряжками. Бело-снежный фартук с грудкой, защищающий, пока он работает, великолепное одеяние.

Приятно было смотреть на Мармадьюка Алли, замешивающего тесто, потому что если кто и был мастером своего дела, так это Мармадьюк. Он орудовал скалкой, как королевским скипетром, и тесто получалось таким легким, что больше напоминало морскую пену, чем тесто. Рядом стоял огромный противень, полный сочной телятины и свинины, крутых яиц, петрушки и нарезанного лука. Когда Мария все это увидела, рот у нее наполнился слюной, а когда он





накрыл начинку огромным пластом белого раскатанного теста, она с трудом сглотнула. Потом он принялся за украшение пирога, ловкие пальцы с искусством, которому мог позавидовать любой скульптор, налепили из теста цветов и листьев.

Теперь дело было сделано, и он отнес пирог к одному из очагов, где огонь был послабее, расчистил там для него место, поставил в самую серединку, закрыл железным листом и присыпал сверху горкой горячей золы. Затем подошел к одной из хлебных печей, открыл железную заслонку, и Мария увидела, что в ней только что прогорела и рассыпалась в горячие уголья вязанка хвороста, а внутри печь обложена кирпичами для того, чтобы сохранять тепло. Мармадьюк отгреб уголья на одну сторону, сдернул белую ткань с двух стоящих на полу чанов с тестом, сделал лепешки, засунул их в печь и закрыл дверцу.

Потом пошел к одной из дверей, за которой Мария увидела выложенную прохладным камнем кладовку, и вернулся назад с большой голубой миской, полной яиц, и голубым кувшином сливок. Водрузив все это на стол, принялся за сладкий крем. На крем пошли дюжина яиц, пинта сливок и корица для аромата.

«Интересно, — подумала Мария, — сможет ли мисс Гелиотроп съесть сладкий крем после такого пирога?»

Но ей незачем было беспокоиться, потому что Мармадьюк обладал чувствительным и проворным носом, и он





издалека учуял коробочку с мятными лепешками в риди-кюле мисс Гелиотроп. Поэтому, сбив сладкий крем, он сразу же принялся за легкий сладкий творог, влил туда капельку бренди и посыпал толчеными орешками.

— А закуской, — проскрипел он, внезапно нарушая затянувшееся молчание, — ей будут яйца всмятку.

Похоже, что на этом Мармадьюк Алли закончил готовку. Он собрал всю грязную посуду, сложил ее в большой красный глиняный таз и налил в него теплой воды из чайника, стоявшего на очаге. Тут Мария осмелилась заговорить.

— Если вы будете мыть посуду, можно мне вытирать? — спросила она робко.

Мармадьюк Алли ответил вопросом на вопрос:

— А можешь ли ты заверить меня, что не разгрохачешь ее?

— Не думаю, — сказала Мария. — Конечно, наверняка я не знаю, потому что никогда раньше не вытирала посуду.

— А случалось ли тебе ронять щетку для волос, когда ты с утра приводишь в порядок свою прическу? — спросил Мармадьюк.

— Нет, никогда, — заверила его Мария.

— Тогда можешь вытирать, — любезно разрешил он. — Ты можешь снять с веревки одно из этих полотенец, забраться на табуретку, чтобы дать мне возможность воспользоваться твоей помощью во время этого омовения,





которое, к сожалению, необходимо и безусловно следует за упражнениями в кулинарном искусстве.

Мармадьук Алли, казалось, даже становился выше ростом, когда произносил эти длинные слова. Мария решила, что, если ей придется часто общаться с ним, она будет носить в кармане словарь.


Она, как ей было сказано, сняла полотенце и уселась на табуретку, и теперь все трое, Мария, Мармадьук и кот Захария, поместились в ряд за столом. Мармадьук стоял на своей табуретке, а Мария и Захария сидели. Мармадьук мыл посуду, Мария вытирала, а Захария мурлыкал. Теперь, когда он не готовил, Мармадьук выглядел куда веселее и добродушнее, и Мария осмелилась задать ему вопрос, который крутился у нее на языке, как только она увидела его крошечный рост.

— Простите, мистер Алли, — начала она. — Это вы ухаживаете за мной в моей комнате, разжигаете камин, приносите теплую воду, молоко и сахарные бисквиты?

Мармадьук одарил ее еще одной своей широченной улыбкой, так что рот его снова растянулся до ушей.

— Естественно, молодая госпожа, — проскрипел он. — У кого еще, кроме тебя самой, может быть такое деликатное сложение, позволяющее пройти через дверной проем твоей спальни? А когда я по каким-то причинам не хочу проходить через залу, я карабкаюсь на кедр и влезая в твою комнату через окно, чтобы оказать тебе те маленькие услуги, которые являются моим долгом.





— Благодарю вас, благодарю вас. А это вы готовите мне такую чۇдную одежду и кладете маленькие букетики цветов?

Но теперь, увы, она сказала что-то не то. Лицо Мармадюка потемнело грозовой тучей, улыбка будто разломилась пополам, и ее концы нырнули в уши, как кролики в норки, кустистые брови насупились, глаза засверкали, и, когда он заговорил, голос его скрежетал и грохотал, как раскаты грома.

— Как тебе могло прийти в голову, что я горничная? Может ли мужчина сохранить самоуважение, если он будет возиться с лентами, рюшками и прочей женской чепухой? Разрешите известить вас, молодая госпожа, что есть только одно во всей Вселенной, к чему я не имею ни малейшего касательства, — это женщины. И мой хозяин, сквайр, лелеет в своей груди те же чувства, как те, что нашли приют в душе его скромного вассала — держаться подальше от дочерей Евы. До тех пор, пока ты и твоя гувернантка не переступили порога этого жилища, женщина не открывала наших дверей двадцать лет.

Это было ужасно.

— Но мисс Гелиотроп и я не виноваты в том, что родились женщинами, — пробормотала Мария,

Концы улыбки внезапно выскочили из ушей и снова растянули уголки рта.

— Для сквайра и меня обстоятельства могли сложиться куда хуже, чем есть на самом деле, — добродушно





закончил он. — Ты, госпожа, в нежных летах, а женские свойства, моя дорогая юная леди, усиливаются с течением времени, как плохие привычки, и менее заметны на ранних стадиях. А что до твоей гувернантки, то она в лучшую сторону отличается от других дуэний, которые были здесь с другими молодыми госпожами и не переставали донимать всех вопросами. Через замочную скважину я составил о ней неплохое впечатление: она женщина с чувствительным характером и слабостью пищеварения, отчего ее женский ум занят душой и желудком, и она не впадает в столь свойственное женщинам любопытство по поводу чужих дел, что делает ее присутствие вполне терпимым для мужчин, чей кров она делит.

Мария покраснела и удержалась от вопроса, кто же та женщина, которая готовит ей одежду. Она не решалась спросить и про других молодых леди и других дуэний, хотя ей ужасно хотелось все узнать о них. Она не осмелилась спросить Мармадьюка Алли о том, где находится его комната, хотя ей и это ужасно хотелось знать, потому что она никак не могла сообразить, где в доме может быть место для его комнаты.

— Молодая госпожа, — сказал Мармадьюк, — тот факт, что я благосклонно взглянул сегодня на твое присутствие здесь, не означает, что я жажду, чтобы ты весь день бегала взад-вперед по моей кухне. Я этого вовсе не жажду. Моя кухня — мое владение, вход только по моему пригла-





шению. Время от времени приглашение может поступать от меня или от кота Захарии.

Затем, взмахнув рукой и галантно поклонившись, он, как король, дал понять, что аудиенция закончена. Мария сделала реверанс и скромно удалилась. Захария проводил ее до двери, стал на задние лапы и повернул ручку замка.

Она пробежала через залу и гостиную и по ступенькам добежала до комнаты мисс Гелиотроп.

— Мисс Гелиотроп, — прошептала она, — здесь есть повар, смешной сердитый маленький карлик с белой бородой и алой шапочкой, он говорит ужасно длинными словами и не любит женщин. Но к нам относится неплохо, потому что вы добры, а я юна. Он приносит нам горячую воду и разжигает камин, но одежду мне готовит не он. Мисс Гелиотроп, кто же все-таки готовит мне одежду?

Мисс Гелиотроп, держа иглу в руках, оторвалась от штопки занавески:

— Какая-то женщина. Они могут, Мария, говорить что хотят, о том, что в доме двадцать лет не было женщин, но все-таки без женщины тут не обходится. Смотри.

Она выдвинула нижний ящик комода и поманила Марию к себе. В ящике оказались три нежных кружевных косынки и три чепчика с лентами цвета гелиотропа. В складках косынок лежали три мешочка с лавандой, сшитых из белого шелка, с искусной вышивкой, изображающей разные цветочки из семейства гелиотроповых: фиалки, анютины глазки и крокусы.



— Это старинные кружева, — восхищенно заявила мисс Гелиотроп. — Старинные, совершенно бесценные, я всегда мечтала о таких. А эти ленты — мой любимый цвет — под стать моему имени. И цветы на мешочках — никогда не видела такой потрясающей вышивки! Я спрашиваю тебя, Мария, может ли мужчина, какой-нибудь мужчина, приготовить все эти восхитительные вещи, которые ты видишь перед собой?

— Нет, — решительно ответила Мария.



An illustration of a group of children in a park-like setting. In the center, a large, leafy tree stands. Below it, a group of about 12 children are holding hands and dancing in a circle. They are dressed in traditional, colorful clothing. Two large white doves are flying in the sky, one on the left and one on the right, with their wings spread wide. The background is a soft, light green, suggesting a grassy field. The overall style is that of a classic children's book illustration.

ГЛАВА II